

— Полезен ты там в деле или нет, мне без разницы. Но неужели у тебя в голове совсем опилки, раз ты предлагаешь мне подобные отношения?

Цзянь Сунъи твердо решил для себя: в этой жизни он с Бо Хуаем ни за что не сойдется.

Не выказав ни капли благодарности, он лишь изогнул уголок губ в презрительной усмешке и смерил соперника колючим взглядом:

— Если мне не изменяет память, только вчера я обещал, что заставлю тебя признать поражение и уйти из Наньвая.

Бо Хуай согласно кивнул:

— И если мне не изменяет память, вчера ты выразился куда точнее: если не заставишь меня уйти с позором, то перестанешь зваться Альфой.

Цзянь Сунъи лишился дара речи.

— Сам видишь, — парировал Бо Хуай. — Пророчество сбылось.

Снова повисло тяжелое молчание.

— Люблю таких честных парней. Сказал — сделал.

Цзянь Сунъи до боли стиснул зубы. От злости аж скулы сводило.

— Малец, не смотри на меня так, будто я зарезал твою любимую собаку, — Бо Хуай слегка наклонил голову, хитро прищурившись. — Дружеское напоминание: я тебе еще пригожусь.

— До чего же ты бесстыжий.

— Почту за комплимент.

После этой пикировки вся его внезапная тоска улетучилась без следа. К черту уныние. Чем тратить драгоценные душевные силы на бессмысленные переживания, лучше вернуться в класс и разобраться с текстами по китайскому. Его запаса лирики и так было кот наплакал, негоже растрачивать его по пустякам.

Да и с чего вообще раскисать? С какого перепугу?

Огреб ли Бо Хуай сегодня по заслугам? Нет.

Назвал ли он его «папочкой»? Тоже нет.

Вылетел ли этот гад из Наньвая? Снова мимо.

Значит, раскисать Цзянь Сунъи просто не имел права.

Внезапно прозрев, он решительно поднялся и зашагал прочь, оставив Бо Хуая позади.

Бо Хуай слишком хорошо знал этого упрямца. Он всегда безупречно чувствовал, как именно нужно отвлекать его от мрачных мыслей. Тихо рассмеявшись ему вслед — мягко, с затаенной нежностью, — он поднялся, в пару широких шагов нагнал беглеца и пристроился рядом. Они пошли бок о бок.

Всего за одну ночь аллею Платанов усыпало свежим слоем опавшей листвы, которая теперь тихо шуршала и ломалась под их подошвами.

Цзянь Сунъи вдруг нахмурился:

— Слышь, а как ты меня нашел? И не надо заливать про совпадение, не поверю.

— Ну... в детстве ты всегда сбегал туда, когда расстраивался. Вот я и привык искать тебя там.

— Вот как, — безучастно отозвался Цзянь Сунъи.

Надо же, у него, оказывается, была такая привычка. Сам он за столько лет даже не замечал.

Сухая ветка под его ногой с треском переломилась.

«Что ж... Пожалуй, время от времени использовать Бо Хуая в своих целях действительно не такой уж плохой вариант».

На следующий день оба лидера параллели ушли в совместный отгул. Школьные любители сплетен едва не сошли с ума от восторга — слухи поползли один безумнее другого. Тем более что у Сюй Цзяпина язык за зубами никогда не держался: историю о том, как Бо Хуай взбесил

Цзянь Сунъи, и как тот прилюдно поклялся стереть соперника в порошок, он расписал в таких красках, что позавидовал бы любой драматург. Слухи разлетались со скоростью лесного пожара, обрастая все новыми невероятными подробностями.

В итоге вся школа уверовала: прежний авторитет и новоприбывший гений сцепились не на жизнь, а на смерть. Короли не делят трон без кровопролития. Говорили, что они устроили жестокую бойню, покалечили друг друга до неузнаваемости и на скорой уехали в реанимацию, где врачи всю ночь боролись за их жизни.

Позже вечером, уже перед сном, Бо Хуай получил сообщение от пользователя под ником «Шарик мороженого с таро».

[Шарик мороженого с таро: Этот ублюдок Бо Хуай! Как он посмел поднять руку на мою детку?! Из-за него мой Сун-Сун попал в больницу! Подонок!!! А-а-а-а!!!]

[Б. С.:....]

[Шарик мороженого с таро: Почему ты молчишь и не материшь его?! Ты что, разлюбила нашего Сун-Суна? Ты же вице-президент нашего фан-клуба! Как ты можешь оставаться равнодушной? Неужели тебе его совсем не жалко?!]

Бо Хуай лишь вздохнул.

Вообще-то, если уж быть до конца честным, накануне именно Цзянь Сунъи расцарапал ему шею. Так что пострадавшим от домашнего насилия тут выступал совсем другой человек.

Но выдать секрет о внезапной омежьем сущности друга он не мог.

С каменным лицом Бо Хуай набрал ответ:

[Б. С.: Люблю. Жалко. Бо Хуай — козел.]

[Шарик мороженого с таро: Он просто конченный псих!]

[Б. С.: Конченный псих.]

[Шарик мороженого с таро: Проклинаю его! Пусть у него в каждой пачке лапши быстрого приготовления никогда не будет пакетика со специями!]

[Б. С.: Без специй.]

[Шарик мороженого с таро: Эх, ладно... С такой тихоней, как ты, каши не сваришь. Ты даже ругаться толком не умеешь, никакого задора. Пойду расшевелю остальных девчонок.]

Бо Хуай хмыкнул. Ради интереса он кликнул на профиль Линь Юаньюань и заглянул в ее статус.

Там красовался такой отборный трехэтажный мат, какого он не слышал даже от заядлых уличных хулиганов.

...

Насколько он помнил, в реальной жизни Линь Юаньюань была чрезвычайно милой, тихой и стеснительной девочкой. Неужели все Омеги в интернете превращаются в таких неистовых фурий?

И если уж скромница Юаньюань выдает такое, то страшно представить, на что способен разъяренный Цзянь Сунъи.

Бо Хуай поежился и решил заварить себе лапши, чтобы хоть немного успокоить нервы.

Он вскрыл пачку, но обнаружил внутри лишь одинокий сухой брикет. Ни масла, ни приправ в упаковке не оказалось.

...

Похоже, ради слежки за лагерем противника и внедрения в тыл врага ему пришлось принести слишком суровую жертву.

На следующее утро, когда Цзянь Сунъи и Бо Хуай живехонькие, целые и невредимые вышли из одного автомобиля и бок о бок зашагали к школьным воротам, очевидцы дружно протерли глаза.

Сюй Цзясин, завидев друга, вытаращил глаза. Он тут же подскочил к Цзянь Сунъи, принялся ощупывать его плечи, мять бицепсы и даже похлопал по бедрам, бормоча в полном недоумении:

— Мать твоя женщина! И правда цел! Как так-то? Ни одного перелома?

Цзянь Сунъи завис, не понимая, что происходит:

— Ты чего лапаешь?

Бо Хуай, прекрасно знавший подоплеку слухов, без лишних слов перехватил настырную руку одноклассника и убрал подальше от тела Сунъи.

— У него внутреннее кровоизлияние, — с каменным лицом соврал он.

«Вот оно что!» — синхронно подумали окружающие, и на их лицах отразилось глубокое почтение.

Сюй Цзясин почтительно сложил ладони перед грудью в традиционном жесте мастеров ушу:

— Битва великих титанов. Мое почтение.

— Что за бред ты несешь? — нахмурился Цзянь Сунъи.

Бо Хуай постучал пальцем по виску:

— Забей. У него там пусто, сам знаешь.

Цзянь Сунъи понимающе кивнул и с искренним состраданием погладил Сюй Цзясина по макушке, как неразумное домашнее животное.

Тот захлопал ресницами:

— Эй... Мне ведь не кажется, что меня сейчас жестко опустили?

Устроившись за партой, Цзянь Сунъи заметил, что у стены в самом конце соседнего ряда сиротливо примостился еще один письменный стол. Все остальные парты в классе стояли парами, и только этот стол выбивался из общего ряда своей обособленностью.

Сюй Цзясин, мгновенно позабыв про обиду, охотно зашептал:

— Вас вчера не было, поэтому вы не в курсе. К нам перевели парня по программе точечной подготовки.

Программа точечной подготовки, по сути, была благотворительной инициативой для поддержки одаренных детей из бедных провинциальных семей. Им полностью оплачивали обучение и проживание, отбирая лучших учеников из уездных школ. Наньвай, будучи престижным частным заведением с заоблачными ценами, никогда прежде подобным не занимался.

Сюй Цзясин придвинулся ближе и заговорщически понизил голос:

— Поговаривают — только между нами, — что департамент образования в этом году выделил нашей школе дополнительную квоту на досрочное поступление в Университет Хуацин. Но взамен Наньвай обязали принять этого парня.

Ян Юэ тоже вклинился в разговор, убавив громкость до предела:

— Да пускай принимают, жалко, что ли? Но зачем пихать его именно в первый класс? Отправили бы в пятый, к бездельникам, пускай бы там штаны протирал.

— Наверное, руководство решило показать, что мы со всей серьезностью относимся к инициативе государства, — прошипел Сюй Цзясин, сорвавшись на свистящий шепот.

— Но он же просто не потянет нашу программу! — так же беззвучно ответил Ян Юэ. — Ладно бы только класс вниз по рейтингу тянул, так ведь сам сломается под давлением. Представляешь, какой это удар по самооценке?

У Сюй Цзясина от нехватки кислорода округлились глаза:

— Понятия... не... имею...

Цзянь Сунъи, устав уклоняться от чужого дыхания, безгласно растолкал сплетников:

— Свалите уже, заговорщики хреновы. Ладно еще Ян Юэ рассуждает, но ты-то, Сюй Цзясин, куда лезешь со своей успеваемостью? Чья бы корова мычала. Твоя самооценка от регулярного позора у доски вообще хоть как-то страдает?

— Слышь! — обиделся тот. — Вообще-то на прошлой контрольной я занял двадцать второе место! Из тридцати, между прочим! Это прорыв!

Цзянь Сунъи картинно поднял большой палец:

— Невероятный триумф. Мои поздравления с великим скачком в развитии.

— Всегда рад стараться, брат Сун! — расплылся в довольной улыбке Сюй Цзясин, искренне приняв издевку за похвалу.

Цзянь Сунъи смерил его сочувственным взглядом, после чего повернулся к Бо Хуаю:

— Хочешь поменяться местами? Я могу пересесть за соседнюю парту.

Бо Хуай молча взял со стола термокружку Сунъи и поднялся со стула:

— Не нужно.

С этими словами он направился к кулеру в углу класса.

Проводив его взглядом, Цзянь Сунъи недовольно фыркнул.

Ян Юэ, заметив эту сцену, удивленно спросил:

— Брат Сун, ты же у нас обожаешь сидеть у окна и никого туда не пускаешь. С чего вдруг такая щедрость?

— Да так, ничего особенного. Просто переживаю, как бы у некоторых не развилась психологическая травма от соседства со мной.

— Какая еще травма?

Легкий стук опустившейся на парту термокружки прервал расспросы старосты.

Бо Хуай уселся на свое место и, не поднимая глаз от учебника, невозмутимо бросил:

— Не слушай его бредни.

Цзянь Сунъи сделал глоток теплой воды и хмыкнул:

— Ну да, конечно. Мои слова — всегда бредни.

Сюй Цзясин пихнул его локтем:

— Смотрите, легок на помине.

Цзянь Сунъи посмотрел на дверь. В класс действительно вошел классный руководитель, старина Бай, а следом за ним семенил незнакомый парень.

Судя по отсутствию выраженного запаха, это был обычный Бета. Симпатичное, аккуратное лицо, средний рост, но парень казался болезненно худым. В его худобе не было юношеского изящества — скорее, она выдавала хроническое недоедание. Бледная кожа с легким желтоватым оттенком лишь подтверждала это предположение.

Старина Бай деликатно откашлялся, привлекая внимание притихшего класса:

— Ребята, минутку внимания. Позвольте представить вам вашего нового одноклассника — Юй Цзыго. С сегодняшнего дня он учится с нами. Надеюсь, вы тепло его примете, будете во всем помогать и вместе тянуться к знаниям.

То ли контраст с предыдущим блестящим новичком оказался слишком разительным, то ли все уже успели пережить кости новому ученику, но приветственные аплодисменты вышли вялыми и натянутыми. Чистая вежливость, за которой скрывалось равнодушие.

Подростков в этом элитном классе нельзя было назвать откровенно жестокими или меркантильными, но спеси и гонора им было не занимать. Местные любимчики судьбы привыкли смотреть на мир свысока, и к чужаку из провинции они отнеслись со сдержанным скептицизмом.

Бо Хуая они признали мгновенно и возвели в статус школьного божества лишь потому, что его гениальность подавляла любые сомнения. Против абсолютной силы не попрешь. Другой вариант легкой адаптации олицетворял Сюй Цзясин — парень с дефицитом серого вещества, но с феноменальным обаянием, которого все любили просто за веселый нрав.

Но Юй Цзыго явно не принадлежал ни к первому, ни ко второму типу.

Впрочем, сам новичок ничуть не смутился прохладным приемом. На его лице не отразилось и тени обиды. С тихой, кроткой улыбкой он прошел к своему одинокому столу, аккуратно уселся и принялся доставать из потертого рюкзака учебники.

Ян Юэ, будучи старостой и обладателем неистребимого инстинкта заботливой мамочки, тут же счел своим долгом наладить контакт. Он достал из стола исписанную тетрадь и протянул ее новенькому:

— Держи. Здесь наши текущие темы и конспекты по ключевым предметам. Пробегишь глазами, чтобы понимать, на каком мы сейчас этапе.

Юй Цзыго принял тетрадь обеими руками с таким благоговением, словно ему вручили священный грааль:

— Огромное тебе спасибо!

— Да брось, пустяки, — добродушно отмахнулся староста. — Меня зовут Ян Юэ, я староста первого класса. А этот оболтус рядом — наш физорг, Сюй Цзясин.

Затем он кивнул на парты позади себя:

— А там у нас местная элита. Слева — Цзянь Сунъи, он же брат Сун, гроза вся школы и по совместительству наш главный задира. Справа — Бо Хуай, школьный идол и первый красавчик. Оба — бессменные лидеры параллели по оценкам, гении, боги учебы и просто чертовски привлекательные парни. Если зависнешь со сложной задачей, смело тряс их.

Упомянутые «боги учебы» отреагировали синхронно — их лица сохранили абсолютное, ледяное безразличие.

Если насчет характера Бо Хуая староста еще сомневался, то повадки Цзянь Сунъи он изучил досконально. Тот вечно вел себя как капризный молодой господин: колючий, гордый, вечно недовольный на первый взгляд, но с золотым сердцем.

Опасаясь, что новичок примет их молчание за враждебность, Ян Юэ поспешил разрядить обстановку:

— Ну или ко мне подходи. Я, конечно, не гений, но стабильно держусь на третьей строчке рейтинга.

Юй Цзыго серьезно кивнул:

— Понял. Третье место — тоже отличный результат. Спасибо тебе, ты очень добрый.

Ян Юэ, внезапно получивший ярлык «хорошего парня», лишь безмолвно замер с приоткрытым ртом.

Новенький, показавшийся ребятам слегка блаженным, снова повернулся к сидевшим через проход лидерам класса. На его лице отразилось искреннее восхищение:

— Ребята, вы и правда невероятно красивые.

В воздухе повисла неловкая пауза.

— А вы, парни... случайно не встречаетесь? — невинно поинтересовался Юй Цзыго.

Над партами пронесся немой неверующий вздох.

— Мой дед всю жизнь занимался предсказаниями судьбы, и я у него кое-чему научился, — увлеченно продолжил Юй Цзыго. — Вот у нашего грозы школы на лице прямо горит знак скорой любви, а у школьного идола звезда супружества пришла в движение. Да и черты ваших лиц гармонируют безупречно. Если вы будете вместе, то станете друг для друга величайшим благословением...

Ян Юэ, искренне испугавшись, что за подобные речи новичка закопают за школьным стадионом еще до заката, поспешил тактично вмешаться:

— Э-э... Друг, они оба Альфы.

Немного помедлив, он набрался смелости и добавил шепотом:

— И, мягко говоря, они друг друга ненавидят.

— Ой, неужели? — спохватился Юй Цзыго, испуганно замахав руками. — Простите, ради всего святого! Мой недосмотр, квалификации не хватило. Мне почему-то показалось, что тот симпатяга у окна — стопроцентный Омега. Ошибся, каюсь! Пожалуйста, не держите зла!

Он так усердно извинялся, но в его широко распахнутых глазах так и сквозило глубокое разочарование. На лице парня было буквально крупным шрифтом написано: «Какая жалость!»

Цзянь Сунъи едва сдержался, чтобы не запустить в него учебником.

«Да какого черта ты так вздыхаешь?! О чем ты вообще умудрился пожалеть?!»

Однако Цзянь Сунъи, который прекрасно знал, что на самом деле он действительно Омега, лишился возможности привычно сорваться на крик и доказать свою правоту кулаками. Ему оставалось лишь нервно дернуть щекой:

— Ничего страшного. Никто не злится. Да и в чем твоя вина? Это мне надо было родиться с такими блядскими лисьими глазами.

Бо Хуай уткнулся в тетрадь, пряча довольную усмешку:

— Да уж. Я тоже совершенно не в обиде.

<http://bllate.org/book/20583/2132456>